

УДК 930.85

Адьяева А.А.¹**ТРУДОВАЯ ЖИЗНЬ КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.**

Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова

Adyaeva A.A.

KUBAN COSSACKS' WORKING LIFE AT THE TURN OF THE XIX-XX CENTURIES

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

Аннотация: В статье предпринят комплексный анализ повседневности труда, трудовой жизни и промысловой культуры кубанского казачества на рубеже XIX-XX вв. в аспекте ключевых занятий и социального взаимодействия. Актуальность темы исследования заключается в необходимости более детального изучения трудовой деятельности и бытования казаков Кубанской области на рубеже XIX-XX вв. Научная новизна исследования отражена в новом взгляде на повседневность/социетальность как ключевой индикатор трансформации культуры кубанцев на рубеже XIX-XX вв. В рамках данного исследования мы придерживаемся методологии социокультурного подхода Лесли Уайта. Выбор данной методологии обусловлен возможностью детального разбора и оценки специфики труда социокультурных общностей, при акцентировке преобразующих сил социальных групп. На основе социокультурного подхода выбран методологический аппарат, состоящий из специально-исторических, социологических и культурологических методов. В качестве основных источников используются архивные сведения Государственного архива Краснодарского края и публицистические издания. Область применения результатов соответствует перспективе дальнейшего исследования региональных казачьих групп, для сохранения традиций и обычаев казаков, исторического прошлого и исторической памяти.

Abstract: The article undertakes a comprehensive analysis of everyday work, working life and trade culture of the Kuban Cossacks at the turn of the 19th-20th centuries. in terms of key activities and social interaction. The relevance of the research topic lies in the need for a more detailed study of the labor activity and existence of the Cossacks of the Kuban region at the turn of the 19th-20th centuries. The scientific novelty of the study is reflected in a new view of everyday life/society as a key indicator of the transformation of the Kuban culture at the turn of the 19th-20th centuries. In the framework of this study, we adhere to the methodology of Leslie White's

¹ Адьяева Амуланга Алексеевна – аспирант, Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова

sociocultural approach. The choice of this methodology is due to the possibility of a detailed analysis and assessment of the specifics of the work of sociocultural communities, while emphasizing the transformative forces of social groups. Based on the socio-cultural approach, a methodological apparatus was chosen, consisting of special historical, sociological and cultural methods. Archival information from the State Archives of the Krasnodar Territory and journalistic publications are used as the main sources. The scope of the results corresponds to the prospect of further research of regional Cossack groups in order to preserve the traditions and customs of the Cossacks, the historical past and historical memory.

Ключевые слова: Кубанская Область, казачество, повседневность, культура, промысел, быт, торговля.

Keywords: Kuban Region, Cossacks, everyday life, culture, craft, life, trade.

Становление особой промысловой культуры казачества Кубанской Области относится к 1840-1850-е гг., окончательное разделение между промыслами Ставрополя и Кубани наблюдается в 60-е гг., когда Кавказское линейное казачье войско было преобразовано в Терское казачье войско, а третья (кубанская) бригада получает больше автономии. Стимулов к развитию у кубанцев было вполне достаточно: это, опять же, развитая купеческая культура, бурный рост сельского хозяйства, сам факт наличия плодородной земли, обширных мест для пастбищ и мест сбыта продуктов народного творчества и военного искусства (шашек северокавказского и азиатского типов, пик, кинжалов и пр.). В период 1860-1880-х гг. Екатеринодар становится главным центром зернового земледелия, виноградарства и виноделия, коневодства. Моздокские коменданты, заинтересованные в развитии местных промыслов, нередко вкладывали собственные средства в актуальные промыслы Кубанской Области, поощряли снабжение инструментами казаков и крестьян из Черномории и ряда внутренних губерний.

Свидетельства городского строительства в контексте развития промыслов и изменения трудовой жизни кубанского казачества находят отражение в работах историков-современников, архивных сведениях, местной периодике и статистических изданиях. В качестве ключевого источника мы используем извлеченные архивные данные, представленные 454 фондом Государственного архива Краснодарского края «Канцелярия начальника Кубанской Области и наказного атамана Кубанского казачьего войска», делом № 358 «Циркуляры начальника области, приговоры станичных сборов и переписка по административным и хозяйственным вопросам (21 июля 1908 г. – 23 декабря 1908 г.)» [14]. Периодические издания включают в себя периодику г. Екатеринодара, а именно газеты

Кубанские областные ведомости [4; 5] и Кубанский казачий вестник [6-12]. Статистические данные отражены в работе С. Л. Авалиани «Зависимые сословия на Северном Кавказе» [1]. Труды историков-современников представлены исследованиями Ф. А. Щербины [15; 16]. Вспомогательным материалом выступают художественные источники – повести и рассказы П.Н. Краснова о труде и быте казаков в конце XIX века [3].

Методология исследования строится на принципах социокультурного подхода и методике анализа казачьей жизни, выработанной в работах Е.В. Годовой [2] и А.П. Скорика [13], которые заложили основу изучения повседневности труда и быта в отрыве от традиций позитивизма, «Государственной школы». Избранная методология предполагает использование специально-исторических, социологических и культурологических методов, а также методов исторической антропологии. В качестве ключевых методов выступают: нарративный метод, историко-системный метод, моделирование преобразующих культурных практик и метод анализа бытовой культуры, диалоговый метод (метод анализа взаимодействия культур).

Апеллируя к трудовой жизни и промысловой культуре кубанцев, следует, прежде всего, осветить специфику уклада жизни и сельскохозяйственного производства. Общественный деятель С. Л. Авалиани пишет, что в конце XIX века сельское хозяйство кубанцев продолжало активно включать в себя новые практики обработки земли и рационального землепользования. Передовой инструментарий был редкостью, тем более, что его использования не требовали хлебородные районы (с показателем урожайности сам-5, сам-6). С южной стороны р. Маныч водосбор ограничивался Ставропольской возвышенностью, что обуславливало наличие в геохоре чернозема, глинозема и болотистых почв. Здесь было слишком много влаги для выращивания злаковых культур, зато влаголюбивые культуры, например, рис, практически не требуя дополнительной обработки, приносили невероятно большой урожай для Российской империи в целом (показатели сам-6, сам-7) [1].

Имеется ряд исторических работ, касающихся данной тематики, в том числе, труд историка-современника Ф.А. Щербины, поэтому мы считаем нужным отметить лишь то, что кубанская земля, ввиду наличия большого количества незаселенных участков с плодородной почвой, черноземом, в принципе не знала такого явления как «обезземеливание» [15; 16].

Если каждые три года в центральном и северо-западном аграрных районах Российской империи происходило периодическое вырождения сельскохозяйственных культур, то здесь казаки привыкли заниматься луговодством, подготавливать землю к новому урожайному году, одновременно, выпасая скот или устраивая особые казачьи игры – «Шермиции», в которые входила верховая езда [15].

Мягкий грунт и рыхлый чернозем с примесью глинозема или кремнезема обеспечил Кубанскую область богатой сельскохозяйственной картой, которая значительно не изменилась с самого освоения Кубани казаками. Здесь выращивали самые разнообразные растения: капусту, картофель, виноград, алычу, бахчевые культуры, горох, горчицу, гречиху, различные орехи, рапс, редьку, огурцы, рис, рожь, рукколу, салат, сахарную свеклу, грушу, землянику, свеклу, сливу, сою, суданскую траву, тритикале, хлопчатник, черешню, чеснок, подсолнечник, помидоры, просо, пшеницу (озимую, яровую), эспарцет, яблоню, ячмень, кориандр, кукурузу, лен, лук (озимый), морковь, нут, овес и многие другие [16].

Именно благополучное развитие сельского хозяйства и ежегодный избыток производимой продукции для личного потребления и экспорта привели к возникновению различных промыслов [11]]. От Моздокского казачьего полка кубанцы почерпнули многие техники садоводства, а от казаков Терской Области – техники виноградарства и виноделия. Из Кизляра и Владикавказа были закуплены основные партии культур для селекции, а также были приобретены рецепты и право на использование двух главных видов вина – «терского черного», экспортного, и «терского алого», используемого для снабжения церквей и личного потребления [4].

Условно все кубанские сады делились на виноградники с винодельнями и фруктовые сады. Центрами производства вина были: г. Екатеринодар, г. Ейск, хутор Широфанский, ст. Динская и ст. Медведовская. Основной целью выращивания фруктов была торговля с Кизлярским уездом и зарубежными купцами. Массово выращиванием фруктовых деревьев занимались кумские казаки Колонтаревы и Ребровы. На областном уровне выращивали виноград Ребровы и Всеволожские, занимались виноделием Ребровы, Хастатовы, Всеволожские, Серебряковы и Арешевы. «Терское черное вино» стоило от 80 до 90 копеек серебра за ведро, «терское алое» – от 50 до 60 копеек. Для местного потребления те же казаки-помещики Ребровы и Хастатовы производили водку, темное и светлое пиво, «хлебное вино» [3].

Пчеловодством занимался преимущественно род Хастатовых, среди производимой продукции следует выделить: мёд, воск, восковую моль, забрус, мерву, пергу, прополис, пчелиную обножку, мумиё подмор, трутовый гомогенат и пчелиный яд (производимый в лекарственных целях). Среди казаков были распространены все основные виды пчеловодства, а именно: 1) дикое пчеловодство, включавшее охоту за медом и воском; 2) бортовое пчеловодство; 3) разведение пчел в пасеках; 4) рамочное пчеловодство; 5) колодное пчеловодство – разведение пчел в цельнодеревянных и глиняных ульях, для увеличения количества пчелиных семей [2].

В отношении шелководства следует обозначить то, что все отрасль принадлежала ка-

закам-помещикам Ребровым. В целом, А.Ф. Ребров первым на Северном Кавказе решил заниматься разведением тутовых шелкопрядов и развивать шелководство в столице Кубанской Области – Екатеринодаре. Несмотря на личную инициативу, уже в конце XIX в. шелководство пришло в упадок, перестав приносить прибыль. В начале XX в. потомки А.Ф. Реброва, утратив рецепт изготовления конечной продукции, продавали сырец, что едва окупало затраты на производство [2].

И пчеловодством, и шелководством казаки занимались на неудобной для распашки земли территории. В остальном, свободные участки использовались для расширения лесного пространства. На рубеже XIX-XX вв. лесное хозяйство занимало около 1,5 млн десятин, а территория для произрастания кормовых трав, лечебных растений – около 9 млн десятин. Здесь важно отметить, что по большому счету данную территорию некому было обрабатывать, поэтому первый губернатор Кубанской Области Я.Д. Малама решил спонсировать лесопосадки и сосредоточить казаков на оптимальных с точки зрения прибыли промыслах – скотоводстве и виноделии [5].

В частности, скотоводство, которое всегда было распространено на Кубани, принадлежало к смешанному типу. Гористая часть Пятигорского уезда была наиболее привлекательно с позиции выгона и разведения различных пород лошадей [10]. Луга возле р. Маныч обращались в сенокосы, полевые луга р. Кумы – в места для сбора и кормления подножным кормом. В своей повседневности кубанские казаки выпасали скот вместе с ногайцами и калмыками [11]. После подавления ногайских набегов в первой половине XIX в., данный народ охотно шел на сотрудничество с казаками, обменивая сено на изделия ручного труда (реже – на произведения народного творчества). Нередки были случаи, когда ногайцы устраивались к казакам в качестве крестьян, тогда их приходилось «обучать», тратя на это собственные время и силы [13]. Впрочем, данная тенденция сохранялась как в конце XIX в., так и в начале XX в. [1].

Рыбная ловля в окрестностях Кубани составляла неотъемлемую часть казачьей повседневности. Лучшим временем для данного промысла казаки считали март и май (т.н. «период метания икры»). Казаки ловили: щуку, сома, шамая, сазана, лосося, жериху, сомину, севрюгу, осетра, белугу. Лов рыбы осуществлялся большими сетями, забойными с вагагами, а зимой – кармаками. Примечательно, что рыбачили с использованием удочки только ногайцы, уплачивавшие «долг» в пользу казаков. Бой тюленей был развит у помещиков Майвалдовых, содержавших хозяйства на островах Колпичьем, Святом, Орловом и Долгом [14, л. 218].

В отношении соляного дела можно выделить лишь, что на рубеже XIX-XX вв. оно

развивалось вблизи соляных озер Джима и полностью оставалось в руках казны, и поэтому являлось малозначимым для повседневности казаков.

Попытки богатого казачества и купечества создания целостной производственной цепи привели только к закладке крупных кирпичных зданий, которые позже стали использоваться для разведения лошадей, изготовления вина или производства шелка. Промысловая продукция вывозилась как за рубеж, так и во внутренние губернии, взамен доставлялись продукты роскоши и престижа, промышленные изделия. Несмотря на то, что некоторые зажиточные и богатые казаки держали заводы (мыльные, кожевенные, свечные, кирпичные, горшечные), получая ежегодно от 10 до 12 тысяч рублей серебра, на момент образования Кубанской народной республики в 1918 г. на Кубани было построено всего 5 табачных фабрик и 2 швейные [14, л. 90].

Специализация Кубанской Области как аграрного региона во многом определила формы труда и досуга казачества, при этом, повседневную жизнь казаков в исследуемый период нельзя назвать однообразной. Как правило, кубанцы, в отличие, например, от казаков Ставрополья, часто участвовали в военных походах, поэтому им было некогда обрабатывать те огромные земельные участки, которые они получили от государства за службу (богатейшие казаки имели надел в 50-60 десятин и выше) [9]. Для обработки земли казаки нанимали крестьян, которые и до отмены крепостного права обладали на Кубани личной свободой. Так, кубанское казачество никогда не посягало на личную свободу крестьян, благодаря чему и смогло завоевать доверие и благоприятное расположение. Надзирали за крестьянами в основном казачки, тогда как казаки любили использовать свое время скорее для скотоводства или торговли, а также для занятия фруктовыми садами, виноградарством и виноделием, – эти промыслы считались «капризными», поэтому крестьяне до них не допускались [14, л. 301-302].

В отношении земледельческой культуры важно отметить, что наиболее плодородными сами кубанцы считали земли от границ Черноморья до станицы Разшеватской, где грунт без дополнительного ухода восстанавливал все необходимые минералы и питался речной влагой, не требуя унавоживания. На рубеже XIX-XX вв. популярностью среди кубанцев стал пользоваться зарубежный инвентарь – английского, немецкого и французского образцов. Как и во всей России, подавляющее число помещиков не желали вкладываться в улучшение орудий труда, используя труд крестьян, которые теперь сами были вынуждены возвращаться к ним за работой [6]. Данная тенденция двойственно проявлялась на кубанских землях: с одной стороны, плодородная почва и так давала сверх необходимого даже для экспорта, с другой – казаки-помещики, по-иному оценивавшие крестьянский досуг, повседневность, стара-

лись компенсировать тяжелые условия труда. Пожалуй, это и отличало их от столичных и большинства провинциальных помещиков [12].

При анализе статистических источников становится ясно, что «экзотическими» промыслами занимались преимущественно зажиточные и богатые кубанцы, тогда как средний и низший слои предпочитали лишь закупать виноград и вино для личного потребления, но разведение казалось им непрактичным, тем более, с учетом сложившейся в Кубанской Области конкуренции. Экзотическими в сознании местного населения были такие промыслы, как пчеловодство и шелководство [1; 6; 13].

По верному замечанию Ф.А. Щербины, пчеловодство не было распространено в Кубанской Области вовсе до 1860-х гг., когда казачество и купечество впервые заинтересовалось данным промыслом, и, на удивление, эта древнейшая отрасль сельского хозяйства так и не стала распространена среди населения Кубанской Области. В начале XX в. Хастатовы создают профессиональное промысловое пчеловодство с разделением его на способы разведения пчел и добычи мёда. Согласно современной классификации, на Кубани и Ставрополье были распространены: методы натурального роения; методы искусственного роения, методы производства секционного меда и методы партийного производства меда [16].

Казачи разводили крупный рогатый скот, свиней и овец (исключая тонкорунных). В начале XX в. Кубанская Область насчитывала достаточное количество конюшен и сараев для разведения редких пород лошадей. У казаков-помещиков Майвалдовых в содержании было свыше 1200 лошадей. Крупнейшие заводы для разведения находились в селах Белая Глина и Красная Поляна. Распространенными породами считались «дончак», «горская», «кубанская» и «кизылрская». Редкими – «ногайская», «персидская», «греческая» и «венарская». В официальной документации практически полностью отсутствуют реальные наименования лошадиных пород, они лишь обобщаются по названиям стран и городов, что подталкивает к мысли, что казаки, все же, не были заинтересованы в разведении породистых жеребцов на продажу. Лошади разводились в рамках военной повседневности и в связи со старинной казачьей традицией: каждый отец должен был вырастить для своего сына скакуна перед тем, как тот уйдет в первый военный поход [14, л. 195-197].

Важно отметить, в какой степени оказывали влияние другие сословия на трансформацию кубанского казачества в конце XIX в. согласно законам социального развития и социальной динамики. Если купечество в целом являлось для казаков идеальным типом престижной культуры, то духовенство воспринималось и оценивалось с позиции идеализации православия и религиозной политики, проводимой начальником Кубанской Области и губернатором Ставропольской губернии [7].

Казачество всячески поддерживало духовенство, продавая виноград и вино по значительной скидке, оберегая ставропольскую кафедру и обращая раскольников, иноверцев в православие, взамен казаки получали от священнослужителей разного рода материальные и духовные блага, однако, ценнейшим фактором в рамках интра- и интеркультурного взаимодействия все равно оставалось покровительство как всего высшего белого духовенства и монашества, так и благочинного церкви Ставрополя. Как верно отметил атаман Всевеликого войска Донского П.Н. Краснов, для казаков конца XIX – начала XX вв. «царизм» постепенно отходил на второй план, а социальные факты продуктивного взаимодействия бывших бригад Кавказского линейного казачьего войска касались преимущественно торговых сношений, мена и культурного диалога с духовниками [3].

Это можно интерпретировать таким образом, что образ духовенства в народном сознании был связан с т.н. «срединным миром», церковью, которая представлялась мостом между «миром небесным» и «миром земным». Казаки же считали себя носителями «воли божьей», так их себе представляли и крестьяне, гораздо охотнее устраиваясь к казакам-помещикам, а не к потомкам российских дворян.

Важно отметить и то, что на Северном Кавказе в целом и на землях кубанцев в частности такие социальные стереотипы как «старое доброе время», «добрый царь» и «строгий отец» (в отношении помещиков) не получили такого распространения, как во внутренних губерниях, что обусловило социальную интеграцию бедного слоя казачества и зажиточного крестьянства. В действительности, многие крестьяне идентифицировали себя с казаками, и наоборот. Существование данного феномена частично объясняет и процесс «оказачивания» в 60-е гг. XIX в. [8]

Итак, мы видим, что картина мира кубанского казачества не была однородной, она состояла из ценностных аттракторов и социальных стереотипов купечества, духовенства и зажиточного крестьянства. Отсюда мы видим самые различные культурные и социально-бытовые потребности, составлявшие основу казачьей повседневности.

В перспективе дальнейшего исследования повседневности казаков Кубанской Области выделяется его государственная и региональная востребованность. Во-первых, стратегия государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021-2030 гг. (Указ Президента Российской Федерации от 09.08.2020 г. № 505), дает четко понять, что наше государство намерено поддерживать казачество Северного Кавказа как неотъемлемую часть культуры российского общества – ради сохранения нашего исторического прошлого и актуализации исторической памяти потомков казаков, сумевших сохранить картину мира своих предков. Во-вторых, региональная политика Правительств Краснодар-

ского края и Ставропольского края позволяет судить о наличии социального заказа на исторические и культурологические исследования по данной тематике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Авалиани, С. Л. Зависимые сословия на Северном Кавказе. – Одесса: Тип. «Техник», 1914. – 36 с.
2. Годовова, Е. В. Воспоминания казаков – ценный источник изучения повседневной жизни казачьего сословия (вторая половина XIX - начало XX в.) // Вестник Самарского государственного университета. – 2013. – № 8-1(109). – С. 179-184.
3. Краснов, П. Н. На озере: Повесть и рассказы. – СПб: изд. тип. Муллер и Богельман, 1895. – 226 с.
4. Кубанские областные ведомости. – Екатеринодар, 1888. № 43.
5. Кубанские областные ведомости. – Екатеринодар, 1888. № 44.
6. Кубанский казачий вестник. – Екатеринодар, 1914. № 1.
7. Кубанский казачий вестник. – Екатеринодар, 1914. № 10.
8. Кубанский казачий вестник. – Екатеринодар, 1914. № 11.
9. Кубанский казачий вестник. – Екатеринодар, 1914. № 12.
10. Кубанский казачий вестник. – Екатеринодар, 1914. № 3.
11. Кубанский казачий вестник. – Екатеринодар, 1914. № 6.
12. Кубанский казачий вестник. – Екатеринодар, 1914. № 7.
13. Скорик, А. П. О концептуализации исследования казачьего поселенческого обустройства на Кубани в конце XVIII - начале XX вв // Общество и власть на Кавказе и Ближнем Востоке: проблемы развития взаимоотношений в прошлом и настоящем : К 80-летию профессора Александра Абакаровича Кудрявцева. – Ставрополь : Северо-Кавказский федеральный университет, 2021. – С. 97-109.
14. Циркуляры начальника области, приговоры станичных сборов и переписка по административным и хозяйственным вопросам (21 июля 1908 г. – 23 декабря 1908 г.) // Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 358. – 411 л.
15. Щербина, Ф. А. История кубанского казачьего войска. Том I. История края / Сост. член-корреспондент Императорской Академии наук и почетный член Кубанского Областного Статистического Комитета Ф. А. Щербина. – Екатеринодар: Типография Кубанского Областного Правления, 1910. – 729 с.
16. Щербина, Ф. А. История кубанского казачьего войска. Том II. История войны казаков с закубанскими горцами. С военно-исторической картой Кубанской области за

время с 1800 по 1860 годы / Сост. член-корреспондент Императорской Академии наук и почетный член Кубанского Областного Статистического Комитета Ф. А. Щербина. – Екатеринбург: Типография Товарищества Печатного и Издательского Дела под фирмой «Печатник», 1913. – 865 с.

REFERENCES (transliteration)

1. Avaliani, S. L. Zavisimye sosloviya na Severnom Kavkaze. – Odessa: Tip. «Tekhnik», 1914. – 36 s.
2. Godovova, E. V. Vospominaniya kazakov – cennyj istochnik izucheniya povsednevnoj zhizni kazach'ego sosloviya (vtoraya polovina XIX - nachalo HH V.) // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2013. – № 8-1(109). – S. 179-184.
3. Krasnov, P. N. Na ozere: Povest' i rasskazy. – SPb: izd. tip. Muller i Bogel'man, 1895. – 226 s.
4. Kubanskije oblastnye vedomosti. – Ekaterinodar, 1888. № 43.
5. Kubanskije oblastnye vedomosti. – Ekaterinodar, 1888. № 44.
6. Kubanskij kazachij vestnik. – Ekaterinodar, 1914. № 1.
7. Kubanskij kazachij vestnik. – Ekaterinodar, 1914. № 10.
8. Kubanskij kazachij vestnik. – Ekaterinodar, 1914. № 11.
9. Kubanskij kazachij vestnik. – Ekaterinodar, 1914. № 12.
10. Kubanskij kazachij vestnik. – Ekaterinodar, 1914. № 3.
11. Kubanskij kazachij vestnik. – Ekaterinodar, 1914. № 6.
12. Kubanskij kazachij vestnik. – Ekaterinodar, 1914. № 7.
13. Skorik, A. P. O konceptualizacii issledovaniya kazach'ego poselencheskogo obustrojstva na Kubani v konce XVIII - nachale HH vv // Obshchestvo i vlast' na Kavkaze i Blizhnem Vostoke: problemy razvitiya vzaimootnoshenij v proshlom i nastoyashchem : K 80-letiyu professora Aleksandra Abakarovicha Kudryavceva. – Stavropol' : Severo-Kavkazskij federal'nyj universitet, 2021. – S. 97-109.
14. Cirkulyary nachal'nika oblasti, prigovory stanichnyh sborov i perepiska po administrativnym i hozyajstvennym voprosam (21 iyulya 1908 g. – 23 dekabrya 1908 g.) // Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja (GAKK). – F. 454. – Op. 1. – D. 358. – 411 l.
15. Shcherbina, F. A. Istoriya kubanskogo kazach'ego vojska. Tom I. Istoriya kraja / Sost. chlen-korrespondent Imperatorskoj Akademii nauk i pochetnyj chlen Kubanskogo Oblastnogo Statisticheskogo Komiteta F. A. Shcherbina. – Ekaterinodar: Tipografiya Kubanskogo Oblastnogo Pravleniya, 1910. – 729 s.

16. Shcherbina, F. A. Istorija kubanskogo kazach'ego vojska. Tom II. Istorija vojny kazakov s zakubanskimi gorcami. S voenno-istoricheskoy kartoj Kubanskoj oblasti za vremya s 1800 po 1860 gody / Sost. chlen-korrespondent Imperatorskoj Akademii nauk i pochetnyj chlen Kubanskogo Oblastnogo Statisticheskogo Komiteta F. A. Shcherbina. – Ekaterinodar: Tipografiya Tovarishchestva Pechatnogo i Izdatel'skogo Dela pod firmoyu «Pечатnik», 1913. – 865 s.

Рецензенты:

Пикалов Д.В. – кандидат исторических наук, доцент, начальник Научно-исследовательского управления Ставропольского государственного педагогического института.

Гончаров А.С. – кандидат исторических наук, доцент, специалист по региональному казачеведению, сотрудник Научно-исследовательского управления Ставропольского государственного педагогического института.